

ВИРДЖИНИЯ

ВУЛФ

СВОЯ КОМНАТА

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Вирджиния Вулф Своя комната

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48851012

Своя комната: Издательство АСТ; М.; 2019

ISBN 978-5-17-117348-7

Аннотация

500 фунтов в год и своя комната – это главное, что нужно женщине для творчества, по мнению Вирджинии Вулф. «Своя комната» – знаменитое эссе, основанное на лекциях, которые Вулф прочитала в Ньюнхэм-колледже и Гёртон-колледже – двух женских колледжах Кембриджского университета – в октябре 1928 года. В нем она обращается ко всем женщинам, занимающимся литературой, и вспоминает своих великих предшественниц – Джейн Остен, Шарлотту Бронте, Джордж Элиот, – вынужденных писать в общей гостиной, прятать рукописи подальше от посторонних глаз и все время сталкиваться с мнением, что писательский труд – недостойное занятие для женщины. Эссе, несмотря на публицистический формат, не теряет красоты и меткости слога, присущей творчеству Вирджинии Вулф, и полно тонкого юмора и самоиронии.

Содержание

Предупреждение автора	5
1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Вирджиния Вулф

Своя комната

Virginia Woolf

A ROOM OF ONE'S OWN

© Школа перевода В. Баканова, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Предуведомление автора

Очерк основан на двух выступлениях, прошедших в октябре 1928 года на заседаниях Общества любителей искусства Ньюнхемского колледжа и литературного кружка колледжа Гертон¹. Поскольку исходные тексты лекций были слишком объемны, их пришлось несколько изменить и дополнить.

1

«Как же так? – наверняка спросите вы. – Мы просили вас выступить на тему “Женщины и литература”! При чем здесь своя комната?» Постараюсь объяснить. Когда мне предложили поговорить о женщинах и литературе, я отправилась к реке и, сидя на берегу, стала размышлять. Можно произнести пару слов о Фанни Берни², упомянуть о Джейн Остен, воздать должное таланту сестер Бронте. Перед мысленным взором возник усыпанный снегом дом пастора Бронте в Хауорте³. Далее добавить несколько остроумных замечаний о мисс Митфорд⁴, коснуться творчества Джордж Элиот⁵ и не забыть про миссис Гаскелл⁶. Казалось бы, вот и все! Однако, если вдуматься, в названии лекции «Женщины и литература» кроется множество смыслов. Возможно, вы хотите услышать мои мысли о женщинах вообще. Или о женщинах-писательницах и об их литературных произведениях. А может, мне следует рассказать о женщинах и книгах, которые им посвящены? А если иметь в виду, что три эти аспекта неразрывно связаны между собой, стоит осветить заданную тему, учитывая их все?

Когда я начала рассматривать тему лекции с позиции объединенного подхода (он показался мне наиболее интересным), то обнаружила в нем существенный недостаток. Я не

смогу прийти к какому-либо определенному заключению. Я не смогу исполнить первейший долг лектора, который видится мне в том, чтобы после часового выступления вручить каждому слушателю крупицу непреложной истины, дабы она веки вечные хранилась где-то в тетради, брошенной на каминной полке. Единственный вывод, к которому я пришла, касался частного вопроса: *«Если женщина собралась стать писательницей, ей необходимы деньги и своя комната»*. При этом фундаментальные проблемы истинной сути женщины и истинной сути литературы остались бы нераскрытыми. Эти два вопроса – женщины и литература – так и останутся без конкретного вывода. Они, на мой взгляд, не имеют однозначного решения.

Зато в качестве компенсации постараюсь растолковать вам, каким образом я пришла к умозаключению о деньгах и своей комнате. Сейчас я стану развивать свою мысль тем же путем, что позволил мне прийти к данному выводу. Возможно, если я озвучу без всяких прикрас суждения и предрассудки, скрывающиеся за этим высказыванием, вы увидите, что некоторые из них имеют отношение к женщинам, а другие – к литературе. В любом случае, поскольку предмет обсуждения крайне деликатный (а вопрос пола именно таков), на стопроцентную откровенность рассчитывать не приходится. Можно лишь надеяться, что вам приоткроют логику рассуждений, которые привели к той или иной точке зрения. Замечая недомолвки, предубеждения, наконец, причу-

ды рассказчика, слушатели сумеют сделать собственные выводы. В данном случае художественный вымысел ближе к правде, чем реальный факт. А поскольку я и сама писательница, вот вам рассказ о двух днях, предшествовавших моему приходу сюда. О том, как, придавленная бременем непростой задачи, возложенной на мои плечи, я тщательно все обдумала и умудрилась найти решение!

Полагаю, излишне говорить, что рассказ – лишь плод моего воображения. Название Оксбридж⁷, равно, как и Фернхем⁸, выдуманно. Местоимением «я» обозначается не существующее в реальности лицо. И хоть я выстрою перед вами грандиозный обман, все же в нем может оказаться некоторая толика правды. Ваша задача – найти эти самые крупинки истины и решить, стоят ли они, вместе или по отдельности, того, чтобы их сохранили. Если нет, вы, несомненно, выбросите все это в мусорное ведро и забудете.

Итак, недели две назад, погожим октябрьским днем я (зовите меня Мэри Бетон, Мэри Сетон или Мэри Кармайкл. Впрочем, можете вставить сюда любое другое имя – это неважно) сидела на берегу реки и предавалась размышлениям. Непростая тема лекции – женщины и литература, – порождающая массу споров и противоречий, а также необходимость подведения в конце выступления какого-то определенного итога, – все это давило тяжким грузом. Слева и справа листва кустарника, словно объятая пламенем, пылала осенним золотом и багрянцем. На противоположном

берегу в неизбывной печали склонились над водой плакучие ивы, распустив свои длинные волосы. В воде причудливо отражался то кусочек неба, то часть моста, то яркая листва кустарника. Вот по реке проплыл на лодке студент, но потревоженные веслами изображения вновь вернулись на место, словно и не было никакой помехи. Предаваться мыслям на берегу реки удавалось особенно хорошо, и время бежало незаметно. Я бесцельно смотрела на воду, как вдруг, тихонько движимая течением, в реке блеснула мысль (назовем сей феномен громким именем, хотя он того пока и не заслуживает). Шли минуты, мысль покачивалась туда-сюда посреди зыбких отражений и водорослей, проглядывающих сквозь прозрачную воду. И вдруг клюнуло! Мысль неожиданно приобрела ясные формы и очертания. Теперь самое главное потихонечку выудить ее из воды. Наконец, мой улов лежит на берегу. Сколь же невзрачной и мелкой показалась мне эта мысль при ближайшем рассмотрении! Хороший рыбак такой улов выкинет обратно в воду. Что толку в эдакой мелочи? На один зуб не хватит. Пускай рыбешка сначала подрастет, нагуляет жирка...

Не стану сейчас говорить, в чем заключалась мысль, — внимательные слушатели все сами поймут по ходу рассказа. Несмотря на скромный масштаб, мысль обладала одним характерным свойством: очутившись в сознании, она загадочным образом преобразилась, став интересной и важной. Призывно сверкающая мысль носилась в голове, порождая

массу идей и заставляя действовать немедленно. Вот почему вскоре я почти бегом пересекала лужайку. Внезапно впереди возник незнакомец. Правда, я не сразу догадалась, что размахивающий руками любопытный субъект в визитке и парадной рубашке пытался привлечь мое внимание. Его лицо выражало гнев и ужас. На выручку пришла интуиция: это университетский педель⁹, а я женщина. Я шла не по дорожке, а по газону, на который допускались исключительно студенты и преподаватели. Таким, как я, следовало ходить по гравийной дорожке.

Цепочка умозаключений выстроилась буквально за пару секунд. Стоило мне сойти с травы на дорожку, как педель спокойно опустил руки, а его лицо более не выражало гнева. И хоть идти по гравию было менее приятно, ничего страшного не случилось. Я могла попенять сотрудникам и студентам учебного заведения, к территории которого вот уже три столетия относился злосчастный газон, лишь на то, что из-за этого происшествия моя мысль внезапно скрылась в неизвестном направлении. Сейчас уже и не вспомню, в погоне за какой идеей я столь неосмотрительно нарушила правила.

В то октябрьское утро на землю, словно теплое облако, снизошло ощущение умиротворения. Если вы ищете умиротворения, то лучшего места, чем четырехугольные двory¹⁰ Оксбриджа, не найти. Прогуливаясь мимо старинных университетских зданий, я чувствовала, как суетность настоящего растворяется в окружающей красоте и спокойствии. Я

словно оказалась внутри волшебного стеклянного купола, куда не проникал ни единый звук. Сознание, освобожденное от постоянного воздействия фактов (если только вы не шагнули на запретный газон), парило в чудесной невесомости, наслаждаясь гармонией текущего момента.

И тут совершенно случайно в памяти всплыл давний очерк о поездке в Оксбридж на каникулах, а затем имя Чарльза Лэма¹¹. «Святой Чарльз», как выразился Теккерей¹², с благоговейным трепетом прикладывая ко лбу письмо Лэма. Далее я подумала (передаю вам свои мысли в том порядке, в каком они меня посещали), что среди всех людей, отошедших в мир иной, Чарльза Лэма можно назвать самым великим гением. Вот бы спросить у него: «Скажите, как вы писали свои очерки?» Ведь эссе Лэма превосходят даже работы Макса Бирбома¹³, при всем их совершенстве. Лэма отличает смелый полет фантазии и гениальность, подобная яркой вспышке молнии, – благодаря этому рождается текст, пусть и неидеальный, но божественно поэтический.

Примерно сто лет назад Лэм посетил Оксбридж. И, конечно, написал очерк (название не припомню) об увиденной здесь рукописи одной из поэм Мильтона. Речь вроде бы шла о поэме «Люсидас». Лэм поведал об охватившем его чувстве ужаса при мысли, что хоть одно слово поэмы могло бы быть другим. Любые изменения, даже сделанные рукой самого Мильтона, казались святотатством. В следующее

мгновение я ради забавы стала припоминать поэму «Люсидас», пытаясь угадать, какие именно слова изменил Милтон, и почему. А потом меня осенило: рукопись, на которую смотрел Лэм, находится в какой-то сотне метров отсюда! А что, если повторить маршрут Лэма и, пройдя через двор, отправиться в ту самую библиотеку, где хранится знаменитое сокровище? По пути я вспомнила, что в библиотеке можно увидеть еще один шедевр – рукопись романа Теккерея «История Генри Эсмонда». По мнению литературных критиков, это произведение – вершина творчества писателя. Однако, на мой взгляд, некая искусственность языка, стилизованного под речь восемнадцатого века, затрудняет восприятие. разве только подобный стиль был действительно присущ Теккерею. И вот тут могла здорово помочь рукопись. Взглянув на нее, легче понять, какие изменения вносил автор и почему: делалось ли это ради формы или ради содержания. В таком случае далее необходимо решить для себя, что такое форма, а что – содержание. Вопрос, который...

Но вот и дверь библиотеки. Видимо, я успела потянуть за ручку, так как в следующее мгновение, словно неумолимый ангел, путь мне преградил тщедушный седой старичок; правда, вместо белоснежных крыльев у него была черная мантия. Сделав запрещающий взмах рукой, он добавил тихим голосом, что женщины в библиотеку допускаются исключительно в сопровождении члена Университетского совета либо при наличии рекомендательного письма.

Тот факт, что знаменитая библиотека была проклята женщиной, на данном заведении никак не сказался. Спокойная и величественная, надежно хранящая от посторонних глаз многочисленные сокровища, библиотека пребывает в глубоком и, как мне кажется, вечном сне. Вот пусть никогда и не просыпается! Не стану тревожить гулкое эхо в ее коридорах, ни за что не вернусь сюда, чтобы еще раз испытать на себе местное «радушие». Такой зарок дала я, спускаясь в ярости по ступеням.

До обеда оставался целый час. Чем бы заняться? Побродить по лугам? Пойти к берегу реки? Стояло чудесное осеннее утро; с деревьев, тихо шурша, падали багряные листья. Оба варианта казались одинаково привлекательными. Внезапно до моих ушей донеслась музыка: где-то неподалеку шла служба или празднование. Вскоре я приблизилась к часовне. Сквозь распахнутую дверь слышались торжественно-печальные звуки органа. Даже глубокая скорбь христианства в этом полном благостного умиротворения воздухе больше походила на светлую грусть; стоны древнего органа были проникнуты безмятежностью. Я не хотела заходить в часовню, даже если бы имела право. Шагни я внутрь сейчас, наверняка ко мне тут же подскочил бы церковный служитель, требуя предъявить свидетельство о крещении или рекомендательное письмо от декана. В большинстве случаев часовни столь же прекрасны снаружи, как и внутри. Я с любопытством наблюдала, как прихожане входили в часовню и

выходили из нее, словно пчелы, роящиеся возле летка улья. На многих я заметила мантии и шапочки, у некоторых даже с кисточками. Кого-то привезли в инвалидных креслах, другие, хоть и не старые, но уже скрюченные в самые диковинные формы, передвигались с огромным трудом, точно крабы и раки, ползущие по песку. Прислонившись к стене часовни, я подумала, что университет похож на заповедник с редкими биологическими видами, которые в нынешнее время просто не выжили бы в борьбе за существование где-нибудь в центре Лондона.

На память пришли байки про старых деканов и преподавателей, и я было уже набралась смелости громко свистнуть (говорят, что при звуке свиста старые профессора обычно пускаются в галоп!), когда достопочтенная процессия зашла в часовню, и мне оставалось рассматривать лишь наружное убранство. Заметные издали высокие купола и острые шпили, освещенные по ночам, напоминают вечно плывущий среди зеленых холмов корабль. Когда-то на месте часовни и трех больших зданий, образующих четырехугольный двор с красивым газоном, покачивались на ветру высокие болотные травы и рылись в грязи свиньи. Но однажды из дальних краев на упряжках лошадей и волов сюда стали перевозить камни для строительства. А потом ценой чудовищного труда серые блоки, в тени которых я сейчас стояла, аккуратно поставили друг на друга. Художники принесли витражи для оконных проемов. Не покладая рук работали ка-

меншики, забираясь все выше и выше: замешивали цемент и замазку, орудовали лопаткой и мастерком. Каждую субботу из чьего-то туго набитого кожаного кошелька в их заскорузлые руки сыпалось золото и серебро, на которое вечером покупали пиво и закуску. Пока лился неиссякаемый поток золота и серебра, работа кипела: ровняли грунт, копали дренажные канавы, осушали болотистые участки, привозили камни и возводили стены. Те времена были эпохой веры. Богачи не жалели золота, чтобы здание получилось прочным. А по завершении строительства из королевской казны и кошельков дворян хлынуло еще больше денег – лишь бы здесь пели гимны и обучали студентов. Земли были жалованы, десятины выплачены. И даже когда эпоху веры сменила эпоха разума, поток золота и серебра не оскудел. Средства шли на стипендии, на набор преподавательского состава. Разница состояла лишь в том, что отныне золото и серебро сыпалось не из королевской казны, а из сундуков крупных торговцев и фабрикантов – тех, кто сколотил состояние на промышленном производстве. Меценаты добровольно жертвовали огромные суммы, дабы закупить стулья, нанять больше преподавателей, создать фонд стипендий – и все это для учебного заведения, которое выучило их самих. Дальше – больше: библиотеки, лаборатории, оснащенные дорогим и точным оборудованием. А ведь несколько столетий назад здесь росла трава и рылись в грязи свиньи.

Прогуливаясь по двору возле часовни, я поняла: все, что

меня окружает, стоит на прочном фундаменте из золота и серебра. Там, где росла трава, появилась основательная булыжная мостовая. По лестницам деловито сновали мужчины с подносами, в ящиках под окнами весело пестрели цветы, из помещений доносились звуки патефона. Я невольно унеслась мыслями куда-то далеко, но бой часов вывел меня из забытья. Настало время обеда.

Любопытный факт: писатели пытаются уверить всех, что обеды в компании обязательно запоминаются какой-нибудь особенно остроумной фразой или мудрым поступком. При чем очень мало внимания уделяется самой еде. Словно все писатели сговорились не упоминать о супе, лососе или утке. Будто суп, лосось или утка – малозначимые детали. Можно подумать, никто за столом не выкуривает сигару и не выпивает бокал вина. Придется мне нарушить традицию и сообщить вам, что в тот день на обед подали глубокое блюдо с морскими языками под белоснежным сливочным соусом, на котором кое-где темнели пятнышки подрумяненной корочки – почти как на боках самки оленя. Потом были куропатки, и если вы представили голенькие коричневые тушки на тарелке, то сильно ошиблись. Куропатки явились во всем своем великолепии и разнообразии, со множеством подливок и овощей, пряных и сладких. Добавлю, что каждая комбинация подавалась в свою очередь: с тончайшими кружками картофеля, в меру хрустящими, но и не слишком твердыми; с кочанчиками брюссельской капусты, строением ли-

стве напоминаниями бутоны роз, правда, более плотные. А когда мы покончили с жареным мясом и гарниром, молчаливый официант (похожий на педеля, только более обходительный) подал обернутый в салфетки десерт, увенчанный волнами из сахарной глазури. Назвать этот кулинарный шедевр пудингом, который делают из обыкновенного риса и тапиоки, не повернулся бы язык. Винные бокалы вспыхнули золотом и багрянцем, были опустошены и наполнены заново. И постепенно в груди, там, где душа, зажегся не тот резкий электрический свет, что порождает громогласное остролюбие, а не заметный постороннему глазу теплый огонек, способствующий интимной беседе. Не нужно спешить. Не нужно стараться произвести впечатление. Достаточно быть самим собой.

Как хорошо! Мы заговорщически переглядывались с портретом Ван Дейка. Жизнь казалась прекрасной и удивительной, недовольство и обиды – мелочными и ничтожными, а дружба и общение родственных душ – самыми чудесными вещами на свете. Я закурила сигарету и блаженно откинулась на подушки стоящего у окна дивана.

Если бы рядом имелась пепельница, если бы события развивались иначе, я бы не стряхивала пепел с сигареты в окно и не увидела бы бесхвостую кошку. При виде куцевого животного, пересекающего четырехугольный двор, на мое солнечное настроение будто нашла тень. Угасло ощущение эйфории, чего-то не хватало. Но чего именно? Прислушиваясь к

беседе за столом, я смотрела на мэньскую кошку¹⁴, замершую в центре газона, будто она тоже вопрошала Вселенную.

Я мысленно перенеслась в прошлое, в довоенные годы. Перед глазами возник другой обед. Он проходил примерно в такой же комнате, неподалеку отсюда. Однако тогда все было по-другому. Тем временем рядом со мной продолжался разговор. Гости, в большинстве своем молодые представители обоих полов, весело и непринужденно болтали. Я слушала их, а фоном в моей голове звучали иные разговоры – имевшие место много лет назад, на другом обеде. Сравнивая обе беседы, я пришла к выводу, что нынешний разговор почти ничем от давнего не отличается. Правда, сейчас я слушала не только то, что говорилось за столом, но одновременно пыталась уловить мелодику речи. Тут и обнаружилось искомое отличие. В довоенное время люди за столом говорили примерно то же самое, тем не менее слова, полные неосязаемого напева, звучали иначе – более мелодично, волнующе. Как же выразить этот напев в словах? Наверное, здесь нам поможет поэзия. Рядом лежал томик стихов. Пролистнув несколько страниц, я случайно заметила поэму Теннисона. Я стала читать, и полилась мелодия:

*Упала слезинка с цветка пассифлоры,
Что возле калитки растет.
Мой ангел небесный, она уже близко!
Любовь моя скоро придет!*

И алая роза воскликнула пылко:

«Она уже рядом, дождись!»

Но белая роза печально поникла:

«Ты ждать будешь долго, крепись».

Дельфиниум шепчет: «Я слышу, я слышу!»

Кивает лилейник: «Держись!»¹⁵

Не это ли напевали мужчины на званых обедах в довоенные годы? А женщины?

Мое сердце, как певчая птица,

Что живет на реке среди мхов.

Мое сердце, как яблоня летом,

Что клонится от сладких плодов.

Мое сердце, как радуги мостик,

Что в лазоревом небе плывет.

Мое сердце сияет от счастья,

О любви мое сердце поет¹⁶.

Не эта ли мелодия звучала из их уст до войны? Что за абсурдная мысль, будто люди и впрямь тихонько напевали подобные мотивы во время званых обедов! Я прыснула со смеху. Пришлось оправдываться, якобы меня позабавила мэнская кошка. Честно говоря, бесхвостое создание, стоящее посреди газона, действительно выглядело нелепо. Интересно, кошка такой уродилась или потеряла хвост в результате несчастного случая? Все же бесхвостые кошки встречаются

довольно редко, хоть и говорят, что они водятся на острове Мэн. Внешность этого необычного животного скорее экзотична, чем красива. Странно, до чего порой важно наличие окончания – например, когда вечеринка окончена, и гости, надевая пальто и шляпы, перекидываются прощальными словами.

Сегодняшний обед благодаря гостеприимству хозяев затянулся до вечера. Чудесный октябрьский день угасал. Я шла по дорожке, а под ногами шуршали опавшие листья. Позади, с негромким, но решительным щелчком закрывались калитки. Бесчисленные педели вставляли ключи в хорошо смазанные замки. Сокровищница в очередной раз надежно запиралась на ночь. Дорожка вывела меня на шоссе (сейчас не припомню название). Если ехать по нему направо, то попадете в Фернхем. Я никуда не спешила и решила пройти пешком. Ужин начинался не раньше половины восьмого вечера, а после столь плотного обеда можно было и вовсе обойтись без еды. В голове крутились отрывки стихотворений из книги, и мои шаги подчинялись их ритму.

*Упала слезинка с цветка пассифлоры,
Что возле калитки растет.
Мой ангел небесный, она уже близко!
Любовь моя скоро придет!*

Ноги бодро двигались в такт звучавшей внутри мелодии, и вскоре я почти достигла Хедингли. Я поравнялась с бурля-

щей у плотины водой, и в голове зазвучал иной мотив, иной ритм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.